

**СЛУЖБА КАЗАЧЬЕЙ КОМАНДЫ ПРИ КАЛМЫЦКИХ ДЕЛАХ В
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.**

Торопицын И.В.

Торопицын Илья Васильевич, Астраханский государственный университет,
414056, Астрахань, Россия, ул. Татищева, 20а. Эл. почта: itoropitsyn@mail.ru

Российский фронт и его жители в последнее время привлекают все больше внимания отечественных и зарубежных специалистов. В центре исследований оказываются самые разные стороны российской пограничной действительности. Немало трудов посвящено истории российского казачества, на формирование и развитие которого фронт оказал самое непосредственное влияние. Фактически казака в России можно считать типичным представителем фронта, так как вся его жизнь проходила в непосредственной близости от границы, в тесном соприкосновении со всеми ее опасностями. Казак легко впитывал в себя элементы культуры соседних народов, обогащая свои собственные навыки новым опытом, необходимым для жизни в пограничье. Довольствуясь минимальной помощью со стороны государства, казак самостоятельно обустраивал свою жизнь на приграничной территории и одновременно выполнял важные государственные функции по контролю над границей своей страны. Все это делало казака в глазах российских властей вполне подготовленным человеком для решения различных задач, требовавших взаимодействия с соседними народами. По этой причине российские власти нередко прибегали к услугам казаков в тех случаях, когда использование регулярных войск в силу разных причин признавалось нецелесообразным. Наглядное представление об этом демонстрирует деятельность казачьей команды, сформированной для обеспечения охраны калмыцкого хана в XVIII в. Изучение данного вопроса позволяет глубже понять специфику внутренней политики России в отношении Калмыцкого ханства в первой половине XVIII в., а также расширить наше представление о российском фронте в Нижнем Поволжье.

Ключевые слова: Россия, Нижнее Поволжье, казаки, калмыки, XVIII в.

Вступление

Нижнее Поволжье длительное время оставалось специфической территорией русского государства. В течение первых двухсот лет со времени вхождения края в середине XVI в. в состав Московского государства немногочисленное русское население проживало в основном в городах и крепостях. Окрестности Астрахани обжили юртовские татары, а в степях безраздельно господствовали сначала ногайцы, а впоследствии калмыки, подчинившие себе в XVII в. часть кочевого населения Нижнего Поволжья. Взаимоотношения всех этих разных групп населения нельзя было назвать идиллическими. Однако астраханским властям удавалось поддерживать хрупкий межнациональный мир в крае, не позволяя

местным народам усомниться в том, кто представляет в Нижнем Поволжье интересы русского государства, подданными которого все они считались.

В первой половине XVIII в. внутривластная ситуация в Нижнем Поволжье обостряется. Калмыки, бывшие некогда грозной силой для соседних народов, начинают испытывать сильное давление со стороны внешних сил. С запада на них начинают нападать кубанские татары (ногайцы, подчинившиеся Крымскому ханству), а с востока им постоянно угрожают набегами казахи (Торопицын, 2008; Торопицын, 2009; Торопицын, 2011в). После смерти хана Аюки среди калмыцких владельцев начинаются внутренние междоусобицы. Русским властям приходится вмешиваться в происходящие в улусах события для нормализации обстановки в Калмыцком ханстве. Для оперативного взаимодействия с калмыцким ханом верховной властью России учреждается должность специального российского представителя. В его распоряжение придается воинская команда, сформированная из типичных жителей российского фронта — казаков, на которую была возложена задача по защите калмыцкого хана от врагов.

Методология исследования

Служба при калмыцких делах была одной из важнейших служебных обязанностей, возложенных русским государством на казаков поволжских городских команд, созданных в начале 1720-х гг. Несмотря на то, что это направление их служебной деятельности отмечалось исследователями, обращавшимися к истории астраханского казачества либо его отдельных команд (Бирюков, 1911а, стр. 142-143; Цыбин, Ашанин, 2002, стр. 48-50, 58, 61-63; Плешаков, 2008, стр. 23), каких-либо подробностей данной службы авторы не приводят, ограничиваясь самыми общими формулировками.

И.А. Бирюков полагал, что служба при калмыцких делах для городских казаков началась в 1727 г. (Бирюков, 1911а, стр. 151). Однако исследования более позднего времени и во многом автобиографическое сочинение советника Коллегии иностранных дел В.М. Бакунина свидетельствуют, что с самого начала существования в Поволжье казачьих городских команд местные власти и официальные лица, на которых возложили ведение калмыцких дел, использовали городских казаков в процессе взаимодействия с калмыками (Торопицын, 2011а).

По сути, эта сторона деятельности казаков Нижнего Поволжья лишь обозначена в историографии. Говорить о том, что она изучена так же, как служба астраханских казаков на кордонных постах против казахов или при ставке хана Внутренней (Букеевской) орды, не приходится. Поэтому данная тема заслуживает пристального внимания и изучения. Ее

освещение позволит лучше понять особенности внутренней политики России в Нижнем Поволжье, территория которого до строительства во второй трети XVIII в. укрепленной линии по Нижнему течению реки Яик и Азово-Моздокской укрепленной линии на Северном Кавказе сохраняла все типичные черты фронта.

Создание казачьей команды при калмыцких делах

В 1715 г. для охраны хана Аюки была создана специальная команда под началом стольника Д. Бахметева, в состав которой вошли драгуны и казаки. По указу от 22 декабря 1720 г. драгуны из этой команды были переведены в Астрахань, а само подразделение развернуто в драгунский полк (Пальмов, 1929, стр. 48), который был сформирован для экспедиции на Терек, намеченной астраханским губернатором А.П. Волынским. Судьба казаков этой команды неизвестна, возможно, они были отпущены по домам или их определили в другую службу. В целом же данный факт Н.Н. Пальмов связывает с дальнейшим усилением роли астраханских властей во внутренних делах Калмыцкого ханства. Он отмечает, что с 1721 г. забота о безопасности калмыцкого хана стала обязанностью астраханского губернатора, который должен был осуществлять ее по своему рассмотрению (Пальмов, 1929, стр. 48, 111-112).

На практике это реализовалось не только в смене представителей российских властей при калмыцком хане (в июле 1721 г. Д. Бахметев был отстранен А.П. Волынским от калмыцких дел, которые были переданы другим лицам), но и в изменении характера самой службы при калмыцких делах. После Д. Бахметева к калмыцким делам был определен подполковник Н. Львов, при котором в качестве помощника состоял капитан В.П. Беклемишев. Новые лица не имели при себе войск за исключением небольшой команды, в их обязанности входило не охранять хана, а наблюдать за его действиями и докладывать о них в Астрахань. Как поясняет Ж.Б. Кундакбаева, к моменту прибытия Н. Львова на Нижнюю Волгу все драгуны были отправлены в Персидский поход, поэтому в Астрахани ему выделили вместо них казачью команду (Пальмов, 1929, стр. 47; Цюрюмов, 2007, стр. 160; Кундакбаева, 2005, стр. 112).

В историографии не уточняется, что это были за казаки. Как уже упоминалось, команда стольника Д. Бахметева, состоявшая из драгун и казаков в количестве 600 «служилых людей», была выведена из ханского улуса в Астрахань. Известно также, что в Астрахани с начала 1720-х гг. находилась двухсотная казачья команда, командированная с Дона. Возможно, по этой причине здесь не была сформирована местная казачья команда по типу тех, что были созданы в других городах Нижнего

Поволжья. Впрочем, могли быть и другие варианты комплектования казачьей команды, подчиненной Н. Львову.

В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что городские казачьи команды появляются в поволжских городах после того, как фактически расформируется команда, находившаяся для охраны хана Аюки. При этом численный состав новообразованных команд был сопоставим с той, что состояла ранее при калмыцких делах. Вряд ли эти события можно отнести к разряду совпадений. По всей видимости, А.П. Волынский предполагал использовать казаков городских команд для решения калмыцких дел по мере необходимости в зависимости от складывающихся обстоятельств. Необходимость в этом диктовалась сложной внутривластной обстановкой в калмыцких улусах, разобщенность между которыми усилилась после смерти в апреле 1724 г. хана Аюки. В этой ситуации уследить за всеми событиями, происходящими в калмыцкой среде, а владельцы кочевали на обширном пространстве отдельными улусами, было сложно.

Правительство позаботилось о том, чтобы В.П. Беклемишев, сменивший Н. Львова у калмыцких дел, имел возможность оперативно сообщать о событиях в улусах. В его распоряжение были переданы 24 драгуна при одном унтер-офицере (Пальмов, 1929, стр. 116-117). Но для сбора информации в калмыцких улусах или выполнения других поручений они малогодились, так как для этого требовалось, по крайней мере, владение калмыцким языком, который был знаком многим местным казакам. Поэтому с первых лет службы казаки городских команд начинают выполнять различные поручения по калмыцким делам. Фактически вместо одной команды, состоявшей при Д. Бахметеве, российские власти начинают привлекать для решения калмыцких дел казаков разных городских команд Нижнего Поволжья (Торопицын, 2011а, стр. 54-59).

Следует подчеркнуть, что созданию упоминаемой выше казачьей команды предшествовало длительное обсуждение в Верховном тайном совете вопроса о необходимости ее учреждения для службы при калмыцких делах. Инициировал перед правительством этот вопрос генерал-фельдмаршал князь М.М. Голицын после изучения положения дел в калмыцких улусах. Поводом для его обращения в Верховный тайный совет стала информация о готовящемся нападении каракалпаков на калмыков, о котором сообщил в феврале 1726 г. из Астрахани состоящих при калмыцких делах майор В.П. Беклемишев. Наместник калмыцкого ханства и другие владельцы, опасаясь вражеского набега, обратились к российским властям за помощью, просили артиллерийские припасы и другое вооружение для организации отпора каракалпам.

На случай подобных угроз, а они могли последовать не только со стороны каракалпаков, но и со стороны крымских татар и других народов, российскими властями была выработана тактика, предполагавшая использовать для обороны калмыков драгунские полки, в том числе те, что стояли на Царицынской укрепленной линии. Однако ситуацию осложняло то, что среди калмыцких владельцев не было единства, которых, по словам В.П. Беклемишева, нельзя было убедить собраться под защиту русского оружия. В этой ситуации «драгунским полкам в таковой обширной степи и дальности (калмыки кочевали в междуречье Волги и Куры. – *И.Т.*) маршировать за ними и охранять может быть не без трудности, – указывал генерал-фельдмаршал, – и провианту на довольствие завезти не возможно, и опасно, чтоб вымания войски не могли отдать в плен». Поэтому князь М.М. Голицын предложил учредить для охраны калмыков воинскую команду по типу той, что состояла под командой Д. Бахметева, приставленного для защиты хана Аюки.

Генерал-фельдмаршал считал, что для этой цели следовало создать команду из «нерегулярного войска», набранного в Царицыне, Самаре, Камышине, Черном Яру и в других ближайших городах, которая должна была служить «с переменою». Кроме того, он считал возможным выделить «по их калмыцкому желанию» две полковые пушки из местных гарнизонов. Эта команда («легкие люди» и артиллерия), по мнению князя М.М. Голицына, должна была состоять в постоянной готовности в распоряжении майора В.П. Беклемишева, чтобы тот мог использовать ее в случае необходимости для обороны калмыков (СИРИО, 1886, стр. 343-346).

Данный вопрос рассматривался Верховным тайным советом несколько месяцев. Изучение проблемы затянулось из-за того, что долго определялись с тем, кого следует послать к калмыцким владельцам для их примирения, к тому же казанский губернатор А.П. Волынский выехал за пределы губернии и некому было предоставить сведения о численности нерегулярных войск в Казанской губернии. 5 октября 1726 г. императорским указом Военной коллегии было предписано рассмотреть вопрос о создании воинской «нерегулярной» команды и придании ей двух пушек с амуницией для обороны калмыков от неприятелей, а так же «для страху их самих владельцев, которые будут чиниться противны». В постановлении Верховного тайного совета говорилось, что этот вопрос следовало рассмотреть оперативно. Власти опасались, что внутренние смуты среди калмыцких владельцев могли развиваться настолько, что калмыки начали бы нападать на российских подданных или ушли бы из страны (СИРИО, 1887, стр. 178-179).

Уже на следующий день Военная коллегия постановила «для охранения калмыцкого наместника и ево фамилии учредить особливую команду», в составе 200 человек из состава слободских полков, которые располагались ближе к Волге, и 100 конных казаков из Царицына, Камышина и других городков Астраханской губернии. «А буде из тех городков возможно нарядить и больше ста человек, – отмечала Военная коллегия, – то разсмотря ежели от того опасности не будет, взять и до двусот человек». Командиром этой команды назначался майор В.П. Беклемишев. Его команде придавались две полковые чугунные пушки, которые приказано было взять из наличных в Астраханской губернии. Характер службы казаков в команде при калмыцких делах (постоянная она будет или попеременная) должен был определить генерал-фельдмаршал князь М.М. Голицын.

Однако при российском дворе сочли данные силы явно недостаточными, чтобы они могли оказывать решающее влияние на события в Калмыцком ханстве. Поэтому 17 октября того же года императорским указом было предписано немедленно учредить специальную команду в количестве 300-400 человек, дополнив ее конными казаками из поволжских городов и из слободских полков, чтобы количество нерегулярных сил в команде было не менее 600 человек, как когда-то состояло при калмыцком хане Аюке (СИРИО, 1887, стр. 468-469).

9 декабря 1726 г. Верховный тайный совет вновь вернулся к вопросу охраны калмыков от внешней угрозы и внутренних смут. Было предложено назначить в команду майора В.П. Беклемишева 300 или 400 человек из регулярных войск, к которым прибавить 300 конных казаков из городов Казанской и Астраханской губерний и еще столько же из слободских полков. Окончательное решение по этому вопросу было утверждено императорским указом от 21 декабря 1726 г. Состав команды В.П. Беклемишева, который другим указом в тот же день был произведен в подполковники, определялся в 900 человек, из которых 600 назначались из слободских полков, а 300 – из казачьих городовых команд Поволжья. При необходимости к калмыцким делам разрешалось привлекать регулярные полки, стоявшие на Царицынской укрепленной линии, и яицких казаков, которые служили на Черемшанских форпостах (СИРИО, 1887, стр. 433, 578, 583).

В марте 1727 г. генерал-фельдмаршал князь М.М. Голицын изложил Верховному тайному совету свое мнение по вопросу формирования команды при калмыцких делах. Он обратил внимание на тот факт, что в Казанской губернии отсутствовали нерегулярные войска, а те, что имелись, в основном были задействованы для службы на Черемшанских форпостах, в то же время в Астраханской губернии общая

численность казачьих городских команд составляла 657 человек. Из этого числа необходимо было выслать триста человек на перемену тем, что служили в Низовом корпусе. Но так как обойтись без такой команды в калмыцких делах было невозможно, генерал-фельдмаршал предложил не посылать в Гилян триста человек на смену поволжским городским казакам, а назначить их в команду при калмыцких делах. До решения этого вопроса князь М.М. Голицын попросил астраханского губернатора генерал-майора И.А. фон Менгдена не высылать в Прикаспийские провинции России сменную партию казаков из поволжских городов (СИРИО, 1888, стр. 522-523).

Данный вопрос разрешился положительным образом (Лишин, 1894, стр. 19). В 1727 г. состав команды, состоящей при калмыцких делах, окончательно определился, и она приступила к своим обязанностям. В нее вошли равным количеством по 300 человек донские, слободские и поволжские городские казаки. 9 августа 1727 г. в Верховном тайном совете рассматривался вопрос об увеличении денежного жалованья определенным «для обережения калмыцких владельцев» конным казакам из поволжских городов, который поставила Военная коллегия. Она отмечала, что казаки в городских командах Поволжья получают разное денежное и хлебное жалованье, которое она признавала недостаточным для того, чтобы они могли содержать себя в готовности для выполнения задач по калмыцким делам. Согласно представлению генерала-фельдмаршала князя М.М. Голицына, казаки поволжских городских команд должны были служить при калмыцких делах бессменно, получая по 10 рублей жалованья в год (СИРИО, 1889, стр. 473, 476).

Таким образом, необходимость формирования специальной казачьей команды для решения калмыцких дел была продиктована как внешнеполитическими, так и внутриполитическими соображениями российских властей. При ее формировании были учтены потребности в численности, а также возможности различных нерегулярных войск и команд Юга России. Для обеспечения службы данной команды правительство страны пошло на увеличение денежного жалованья поволжским казакам, и хлебного для донских и слободских казаков.

Особенности службы казачьей команды при калмыцких делах

Как уже было отмечено, в 1727-1728 гг. данной казачьей команде пришлось в основном заниматься не охраной наместника Калмыцкого ханства, а русских селений от калмыцких набегов. Более того, в 1729 г. данная команда рассматривалась властями в качестве части русских войск, которые должны были нанести удар по улусам владельца Дондука Омбо, который, как указывает В.М. Бакунин, «давно уже был указам

императорским не послушен и во всем противен» (Бакунин, 1995, стр. 64-65).

Особое негодование у российских властей вызывал тот факт, что Дондук Омбо вместе с другими владельцами планировал нападения на донские казачьи городки и хотел вступить в турецкое подданство. Так как уговоры на данных калмыцких владельцев не действовали, то Верховный тайный совет признал необходимым смирить их силой оружия. Разработка этой операции была поручена генералу-фельдмаршалу князю М.М. Голицыну. Свое мнение по этому вопросу он изложил в записке, поданной 26 марта 1729 г. В ней предлагалось нанести неожиданный удар по улусам Дондука Омбо силами регулярных и нерегулярных войск численностью до пяти тысяч человек, которые планировалось собрать в районе городов Петровска или Саратова. Их основу должны были составить армейские полевые и казачьи полки, а также 900 казаков, состоящих в команде при калмыцких делах. Военное руководство операцией князь М.М. Голицын предложил поручить генерал-лейтенанту Чекину (СИРИО, 1894, стр. 547-549).

До военных действий в тот раз не дошло, но в начале 1730-х гг. обстановка в калмыцких улусах обострилась настолько, что российские власти решили перейти от слов к делу и вмешаться в разрастающийся конфликт в Калмыцком ханстве. По свидетельству В.М. Бакунина, в походе русских войск на улусы мятежных владельцев, который возглавил в 1732 г. генерал-поручик князь И.Ф. Барятинский, участвовали наряду с донскими казаками, драгунскими и солдатскими полками, волжские казаки (Бакунин, 1995, стр. 85). Однако известно, что официально термин «волжские казаки» впервые был применен в указе Военной коллегии от 12 ноября 1733 г. в связи с поселением на Волге донских казаков, записавшихся ранее на службу при Царицынской линии, и организацией отдельного Волжского казачьего войска (ПСЗРИ, 1830, стр. 231). Как отмечает А.В. Курышев, к службе при калмыцких делах казаков Волжского войска стали привлекать только с 1735 г. (Курышев, 2009, стр. 92).

Следовательно, в данном случае В.М. Бакунин вел речь о казаках, которые находились на службе при калмыцких делах, так как кроме них и казаков, служивших в городских командах, в то время в Поволжье других постоянных казачьих подразделений, которые можно было бы назвать волжскими, не было. Не исключено, что команда В.П. Беклемишева могла быть усилена на период похода войск князя И.Ф. Барятинского за счет других казаков поволжских городских команд. В этой связи вполне возможно, что термин «волжские казаки» в данном случае был применен В.М. Бакуниным, а в дальнейшем использован в переписке князя И.Ф.

Барятинского с Коллегией иностранных дел в качестве собирательного для обозначения сборного отряда, составленного из казаков разных команд поволжских городов. В пользу этого говорит то, что «волжские казаки» были указаны в Ведомости регулярных и нерегулярных войск Низового корпуса по состоянию на 1 января 1732 г. (112 казаков) (РГАДА, л. 366), когда Волжского казачьего войска еще не существовало. В то же время известно, что в этом корпусе была оставлена для продолжения службы без права замены сборная команда казаков из поволжских городовых команд. Очевидно, этих казаков и считали в то время «волжскими».

Поход, предпринятый от донского Нагавкинского городка на реке Аксай через безводные степи до Волги в район Астрахани, выдался очень трудным. Несколько сот заболевших драгун и солдат были отправлены с марша в Черный Яр. В пути пало и без вести пропало свыше 2800 лошадей. Но о потерях среди поволжских городовых казаков в сочинении В.М. Бакунина не сообщается. Улусам Дондука Омбо удалось избежать встречи с российским войском и уйти на Кубань, но на Нижней Волге войска князя И.Ф. Барятинского захватили улусы двоюродного брата Дондука Омбо Петра Тайшина, претендовавшего на ханское звание. Кибитки, отобранные им ранее у калмыцкого хана и других владельцев, были возвращены хозяевам. Кроме того, у П. Тайшина и других мятежных владельцев, бывших с ним, были захвачены 4100 кибиток, которые русские власти разделили между калмыцким ханом и владельцем Дондуком Даши.

По итогам похода командующий князь И.Ф. Барятинский направил в Коллегию иностранных дел донесение, в котором предложил наградить донских и волжских казаков частью имущества из улусов мятежных калмыцких владельцев. 30 июня 1732 г. Коллегия иностранных дел направила ему грамоту, в которой, помимо прочего, сообщалось, что «по именному Ее Императорского Величества словесному указу... велено ему взятый донскими и волжскими казаками, также калмыками, при поиске над противниками, скот весь отдать в награждение им за бытность их при нем, князе Барятинском, в походе», что командующим, по словам В.М. Бакунина, и было сделано (Бакунин, 1995, стр. 88, 93).

В последующие годы калмыцкие дела, а вместе с ними и воинские силы, приданные к ним, перешли в ведение командовавшего войсками на Царицынской линии генерал-майора А.И. Тараканова, а после его отъезда на Украину – были поручены полковнику В.П. Беклемишеву. В этот период времени меняется характер использования казачьей команды, состоящей при калмыцких делах. Если в 1720-х гг. она создавалась для защиты наместника ханства от внешних врагов, но употреблялась для обороны русского населения от посягательств калмыков, то теперь ее начинают использовать для охраны калмыцкого хана и его улусов от

других калмыцких владельцев. Так, в 1734 г., обсуждая возможные варианты обеспечения охраны в зимний период улусов калмыцкого хана и других владельцев, кабинет-министры постановили: «В таком случае, если они для зимования перепущены будут за Дон, полковнику Беклемишеву с его командою в зимнее время надлежит быть ниже Царицынской линии в донских казачьих городках и между оными в пристойных местах учредить форпосты и иметь разъезды, и ханские и других владельцев улусы от нападения Дондук Омбы командою его, Беклемишева, и донскими казаками оборонять и до разорения не допускать...» (Бакунин, 1995, стр. 121-122). Как видим, правительство не объединяло команду В.П. Беклемишева и донских казаков. Следовательно, речь идет о команде, которая состояла под его начальством при калмыцких делах.

Во второй половине 1730-х гг. В.П. Беклемишева по настоянию хана Дондука Омбо отстранили от службы при калмыцких делах, ведение которых перешло царицынскому коменданту П. Кольцову. В Астраханской губернской канцелярии эти дела с лета 1736 г. стал курировать астраханский вице-губернатор Л.Я. Соймонов, а после его отъезда в начале 1737 г. в Комиссию башкирских дел - другие лица. В сентябре 1739 г. императорским указом полковнику Л. Бобарыкину поручили «быть при подданном нашем калмыцком хане Дондук-Омбе, ради всегдашнего охранения оного хана с нарочно определенной командою» (Лишин, 1894, стр. 228). Ее численность не позволяла защитить калмыцкого хана от всех нападений. В случае значительного перевеса противников, Дондуку Омбо со своими улусами разрешалось отходить под защиту русских сил в пограничных городах и крепостях, начальники которых должны были действовать согласованно с полковником Л. Бобарыкиным.

С 1737 г. численный состав казачьей команды, состоявшей при калмыцких делах, сокращается до 300 человек. На эту службу наряжалось 100 человек из состава Саратовской команды, 40 человек из состава Дмитриевской команды, 55 человек из состава Царицынской команды, 45 – из Чернойрской и 60 – из Самарской и Алексеевской городских казачьих команд. Как отмечает И.А. Бирюков, из-за малочисленности Дмитриевской команды иногда на эту службу вызывалась поддержка из состава Красноярской городской казачьей команды (Бирюков, 1911б, стр. 501).

В 1739 г. самарских и алексеевских городских казаков перевели на службу в Оренбургскую комиссию. В результате этого состав команды, состоящей при калмыцких делах, уменьшился до 240 человек. В том же году еще 40 казаков из данной команды были выделены в распоряжение царицынского коменданта П. Кольцова, в ведении которого были переданы судебные дела между калмыцким и остальным российским населением в Нижнем Поволжье. Л. Бобарыкин стал осуществлять

административные функции при калмыцком хане (Бирюков, 1911б, стр. 501).

Видоизменяется и характер службы казаков при калмыцких делах. После серии казахских набегов, предпринятых в 1737-1738 гг. на калмыцкие улусы, в которых отсутствовала большая часть боеспособного населения, так как калмыки были привлечены Россией к войне против Турции, перед российскими властями встала задача обеспечить охрану улусов. По реке Волге стали выставлять форпосты. В 1739 г. было определено содержать при калмыцком хане Дондуке Омбо одну роту драгун и двести казаков из поволжских городских команд из числа тех, «которые в 727 году нарочно к калмыцким делам определены» (Торопицын, 2010б, стр. 35).

После смерти в апреле 1741 г. хана Дондука Омбо в калмыцких улусах разгорелась борьба за власть между владельцами. В этой ситуации казачья команда, состоящая при калмыцких делах, оказалась в затруднительном положении, так как непонятно было, кого же ей защищать. В период калмыцкого междоусобия в помощь к полковнику Л. Бобарыкину и астраханскому губернатору князю М.М. Голицыну был направлен саратовский воевода полковник В.П. Беклемишев (Цюрюмов, 2007, стр. 248-249). С целью прекращения междоусобного конфликта в Калмыцком ханстве летом 1741 г. правительством была создана специальная комиссия, которую возглавил тайный советник В.Н. Татищев. Уведомляя Астраханскую губернскую канцелярию о создании Калмыцкой комиссии и направлении в улусы В.Н. Татищева, кабинет-министры обязали местные власти оказать ему содействие. Отдельная грамота по этому поводу была направлена и персонально полковнику Л. Бобарыкину (Попов, 1861, стр. 265).

Но В.Н. Татищев, не ограничиваясь данной ему инструкцией, запросил разъяснения относительно его полномочий, в том числе в использовании войск, приданных для оказания содействия в порученной ему комиссии. На этот счет из Коллегии иностранных дел сообщили: «Беклемишеву, Бобарыкину и другим, в будущих с вами советах, поступать по посланным о том к ним указам, по данной вам инструкции и по государственным правам и генеральному регламенту... Хотя в инструкции и довольно разъяснено о войсках, но еще повторяем, что оными вам действительно командовать и поступать по нашим военным регулам и имеющимся у вас указам» (Попов, 1861, стр. 265-266). Таким образом, мы видим, что В.Н. Татищеву были переданы в распоряжение все войска, предназначенные для Калмыцкой комиссии, в том числе и команда полковника Л. Бобарыкина, состоящая при калмыцких делах.

Фактически эта небольшая команда наряду с отрядом донских казаков стала ядром военных сил Калмыцкой комиссии, на которые ее начальник всегда мог рассчитывать. По этому поводу В.Н. Татищев в письме в Коллегию иностранных дел от 15 октября 1741 г. подчеркивал: «в команде кроме тысячи казаков донских и полковника Бабарыкина никого не имею». Другие войска, определенные ему в помощь, были, по его словам, либо очень далеко от калмыцких улусов, как, например, полки Оренбургского корпуса и Комиссии башкирских дел, либо находились в подчинении генерала-поручика А.И. Тараканова, который на первых порах отказывал В.Н. Татищеву в помощи (Пальмов, 1928, стр. 329).

До начала 1742 г. казаки городских команд, определенные в службу при калмыцких делах, выполняли ее на постоянной основе. Но в феврале 1742 г. астраханский губернатор В.Н. Татищев, рассмотрев обращение казаков, приказал сменять их другими погодно, «дабы они от долговременного безменного пребывания не пришли в скудость и изнеможение для службы» (Архив, 1870, стр. 211). От этой службы поволжских городских казаков не освобождали даже форс-мажорные обстоятельства. В декабре 1745 г., к примеру, Астраханская губернская канцелярия докладывала в Военную коллегию, что в «городах Черный Яр и Царицын от погорения оных городов казаки еще в состояние не пришли и те за неимением других употребляются у калмыцких дел» и в других службах (Торопицын, 2010а, стр. 101).

О деятельности казачьей команды, состоящей при калмыцких делах, в 1740-х гг. известно не много. В августе 1742 г. она вместе с другими войсками сопровождала калмыцкие улусы ханши Джаны, которые переводились от Астрахани к Черному Яру по нагорной стороне Волги. Во время перехода команда полковника Л. Бобарыкина, находившаяся в голове колонны, выдвинулась вперед и попыталась окружить кибитки, в которых находился владелец Бодонг, так как в его отношении распространялись слухи, что он хочет уйти из России. Бодонг при виде русского отряда действительно бросился бежать со своими людьми и детьми ханши Джан. За ними была направлена погоня, которая остановила около 50 женщин и детей, переняла 500 лошадей и 100 верблюдов, но Бодонгу и детям Джаны удалось уйти в Кабарду (Попов, 1861, стр. 304). Впоследствии выяснилось, что Л. Бобарыкин поверил ложным слухам и спровоцировал побег владельца Бодонга из России. За это его отстранили от дел, а команду поручили майору Г. Аксакову (Попов, 1861, стр. 310).

После основания Енотаевской крепости в 1742 г. на правом берегу Волги между Астраханью и Черным Яром туда была перемещена двухсотная казачья команда, находившаяся в распоряжении офицера,

состоявшего при калмыцких делах, а также рота драгун Астраханского гарнизонного драгунского полка (Торопицын, 2010б, стр. 35; Очерки, 2014, стр. 182). В 1743 г. командиром этой команды был назначен подполковник Н. Спицын, определенный к калмыцким делам. В его ведение передавались не только административные вопросы, но и все судебных дела («разобрание между россиян и калмык ссор»), которыми ранее занимался царицынский комендант, ставший к тому времени бригадиром, П. Кольцов (Лишин, 1894, стр. 344). При этом численность команды Н. Спицына не была увеличена. Следовательно, находившиеся в подчинении П. Кольцова по калмыцким судебным делам 40 городских казаков были определены на другую службу.

И.А. Бирюков пишет, что казаки на службе в Енотаевской крепости, летом располагались лагерем, а на зиму большая их часть распускалась по домам. В крепости оставалось лишь небольшое количество казаков (Бирюков, 1911б, стр. 502). Зимой казаки, служившие при калмыцких делах и на волжских форпостах, сами подвергались немалой опасности, так как в этот период на калмыцкие улусы совершали набеги казахи. В феврале 1746 г., например, подверглись нападению казахов семь казаков, которые перевозили провиант из Енотаевской крепости на Калмыковский форпост, учрежденный в 60 верстах от Чернойрской крепости. Нападавших было около сотни, поэтому казаки вынуждены были спастись «уходом», но одного из них преследователи настигли и ограбили (РГВИА, лл. 80-81об.).

В 1740-х гг. казачья команда, состоявшая при калмыцких делах, не только охраняла наместника ханства, но и наблюдала за его действиями и контактами с другими народами. Так, в октябре 1744 г. астраханский губернатор В.Н. Татищев поручил полковнику Н. Спицыну принять меры к пресечению продажи калмыками скота за границу. В случае если наместник ханства не захочет иметь при себе в период зимовки на реке Куме полковника с его командой, губернатор поручил Н. Спицыну «под образом якобы для суда случившихся между россиян и калмыками ссор и для переписки» оставить при Дондуке Даши одного дворянина, «придав ему ис казаков надежных и знающих калмыцкой язык двух, да для пересылок четырех человек оставить с достаточным наставлением, чтоб они могли вышеписанное, також и другие бесполезные следствия к противности Вашего императорского величества пользе всякими удобовозможными способами и наведываниями предостерегать». На эти цели и на проживание в улусах В.Н. Татищев приказал выдать дворянину и казакам (четырех курьеров также приказано было выбрать из числа казаков) деньги из имеющейся у полковника Н. Спицына суммы (ГААО, лл. 367об.-368). В мае того же года Коллегия иностранных дел

рекомендовала астраханским властям приставить к кочевавшему на Дону калмыцкому дербетовскому владельцу Лабан Дондуку, которого подозревали в тайных переговорах с кубанцами, одного из дворян с несколькими казаками (Торопицын, 2011б, стр. 139).

Кроме того, как указывает И.А. Бирюков, казаки назначались в разъезды по степи для наблюдения за поведением калмыков и «водворением между ними тишины и порядка, если где таковые нарушались». На их обязанностях была доставка служебных писем к наместнику ханства, а впоследствии и к калмыцкому хану, когда этот институт власти был восстановлен российским правительством в Калмыцком ханстве, и от него к офицеру, состоявшему при калмыцких делах, а также в Астрахань и в другие пункты. Казакам этой команды поручали также охранять и сопровождать арестантов. Наглядно изображая напряженные служебные будни казаков при калмыцких делах, И.А. Бирюков пишет: «В апреле 1747 года полковник Спицын, вследствие замедления в высылке сменной команды из Саратова, доносил А. Г. К. (Астраханской губернской канцелярии. – *И.Т.*), что при нем в ожидании прибытия сменной команды налицо казаков очень мало, а ему нужно ехать к наместнику ханства, чего он, по умалению казаков, исполнить не может, так как наличных людей не хватало в караул при лагере и конском табуне; но казаки больше всего нужны были для окарауливания колодников, «касающихся в воровствах» (Бирюков, 1911б, стр. 504-505).

В 1748 г. Сенат, рассматривая служебные обязанности казаков поволжских городских команд, а также Яицкого и Волжского войск, постановил: «При Калмыцких делах в Астрахани, в команде полковника Спицина, быть казакам, по силе указов 1727 и 1739 годов, 200 челов. с переменою погодно, как то в 1742 г. определил бывший астраханский губернатор, тайный советник Татищев...». В случае неприятельских набегов разрешалось для обороны калмыков использовать казаков из команды подполковника Чемодурова, которой была поручена заготовка соли из Эльтонского озера в Дмитриевский и Саратовский соляные магазины (численность этой команды, также состоявшей из казаков городских поволжских команд, составляла 150 человек) (Витевский, 1889, стр. 262).

Выводы

Таким образом, можно констатировать, что служба при калмыцких делах для казаков поволжских городских команд была одной из основных обязанностей. На протяжении 20-40-х гг. XVIII в. характер данной службы неоднократно менялся, уточнялись ее задачи и обязанности казаков, вносились изменения в срок несения этой службы. Городовым казакам

Поволжья пришлось участвовать в составе русских войск в военных компаниях как вместе с калмыками против внешних врагов России, так и против отдельных калмыцких владельцев, что было продиктовано политической конъюнктурой времени.

На первых порах во взаимоотношениях с калмыками российские власти эпизодически привлекали казаков из состава городских команд Поволжья. Во второй половине 1720-х гг. решением правительства России из них была создана специальная команда, которая стала заниматься вопросами, связанными исключительно с калмыцкими делами. Первоначально предполагалось, что данная команда будет охранять правителя Калмыцкого ханства от внешних врагов, но прежде ей пришлось охранять от набегов мятежных калмыков российские селения. В дальнейшем казаки данной команды принимали участие в калмыцких междоусобных столкновениях, защищая одних владельцев от других, обеспечивали охрану калмыцкого хана и наместника ханства от набегов других народов, а также выполняли функции политических наблюдателей за поведением калмыцких владельцев.

Библиографический список:

1. Архив князя Воронцова (1870). Книга первая. *Бумаги графа Михаила Илларионовича Воронцова*. М.
2. Бакунин В.М. (1995). *Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года*. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.
3. Бирюков И.А. (1911а). *История Астраханского казачьего войска*. Саратов. Ч. I.
4. Бирюков И.А. (1911б). *История Астраханского казачьего войска*. Саратов. Ч. III.
5. Витевский В.Н. (1889). *И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г.* Выпуск первый. Казань.
6. Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 394. Оп. 1. Д. 955.
7. Кундакбаева Ж.Б. (2005). *«Знаком милости Е.И.В. ...». Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке*. Серия «АИРО-монография». М.: АИРО-XXI; СПб.: Дмитрий Буланин.
8. Курышев А.В. (2009). *Служба волжских войсковых казаков. Астраханские краеведческие чтения: сборник статей / под ред. А.А. Курапова*. Астрахань: Издательство: Сорокин Роман Васильевич. Вып. I, стр. 90-95.

9. Лишин А.А. (1894). *Акты, относящиеся к истории Войска донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным*. Новочеркасск. Т. II. Ч. I.
10. Очерки истории и культуры казачества Юга России: коллективная монография / Под ред. Г.Г. Матишова, И.О. Тюменцева (2014); *Южный научный центр Российской академии наук; Волгоградский филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»*. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС.
11. Пальмов Н.Н. (1928). К Астраханскому периоду жизни В.Н. Татищева. *Известия АН СССР*. Серия 7. № 4-7, стр. 319-342.
12. Пальмов Н.Н. (1929). *Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. III и IV. Ограничительные мероприятия правительства в отношении к калмыкам*. Астрахань.
13. Плешаков И.Н. (2008). *Саратовские казаки в XVIII – начале XIX вв. Новый век: история глазами молодых*. Саратов: Изд-во СГУ. Вып. 7, стр. 23-35.
14. Полный свод законов Российской империи (1830). Т. 9.
15. Попов Н. (1861). *В.Н. Татищев и его время*. М.
16. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Оп. 8. Ед. хр. 437.
17. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 188. Ч. 1.
18. Сборник императорского русского исторического общества (СИРИО) (1886). СПб. Т. 55.
19. СИРИО (1887). СПб. Т. 56.
20. СИРИО (1888). СПб. Т. 63.
21. СИРИО (1889). СПб. Т. 69.
22. СИРИО (1894). СПб. Т. 94.
23. Торопицын И.В. (2008). Набеги кубанских татар на Россию в 1715 г. *Козацька спадщина: Альманах Інституту суспільних досліджень*. Дніпропетровськ: Изд-во «Пороги». Вип. 4. С. 72–78.
24. Торопицын И.В. (2009). Оборона калмыцких улусов в 30–40-х гг. XVIII в. *Материалы международной научной конференции «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее», посвященной 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства (г. Элиста, 13–18 сентября 2009 г.)*. В двух частях. Часть I. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», стр. 242–246.
25. Торопицын И.В. (2010а). Черноморская казачья команда: к истории формирования и служебной деятельности в XVIII в. II-е

- Бирюковские чтения: Материалы Бирюковских чтений (9 апреля 2010 года).* Астрахань: Государственное предприятие Астраханской области «Издательско-полиграфический комплекс «Волга», стр. 98–104.
26. Торопицын И.В. (2010б). Служба казачьих городских команд в Нижнем Поволжье (первая половина XVIII в.). *Государственная служба казачества: история, современность, перспективы: Материалы Всероссийской научной конференции (Старый Оскол, 30 марта 2010 г.) /отв. ред. Г.О. Мацевский.* Старый Оскол: Издательство «Оскол-Информ», стр. 27–43.
27. Торопицын И.В. (2011а) Служба поволжских городских казаков при калмыцких делах в 1720-х гг. III-е *Бирюковские чтения: Материалы Бирюковских чтений (25 августа 2011 года).* Астрахань: Государственное предприятие Астраханской области «Издательско-полиграфический комплекс «Волга», стр. 54–59.
28. Торопицын И.В. (2011б). Российская власть и калмыки-дербеты в 1740-х гг. *Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие. Материалы международной научной конференции (20-23 сентября 2011 г.).* Элиста: КИГИ РАН. Часть II., стр. 136-140.
29. Торопицын И.В. (2011в). Россия и ногайцы: поиск путей самоопределения и сосуществования (первая половина XVIII в.). *Тюркологический сборник 2009-2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье / ред. кол. С.Г. Кляшторный (пред.), Т.И. Султанов, В.В. Трепавлов / Ин-т восточных рукописей РАН.* М.: Вост. лит., стр. 330–359.
30. Цюрюмов А.В. (2007). *Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений.* Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар».
31. Цыбин В.М., Ашанин Е.А. (2002). *История волжского казачества (к 300-летию Саратовской, Камышинской и Царицынской казачьих станиц).* Саратов: Приволжск. кн. изд-во.

COSSACK SERVICE TEAM IN CASES KALMYK IN THE FIRST HALF OF XVIII CENTURY

Toropitsyn I.V.

Toropitsyn Ilya Vasilyevich, Astrakhan State University, 414056, Astrakhan,
Tatishchev Str., 20a. E-mail: itoropitsyn@mail.ru

The problems of Russian frontier and its inhabitants have recently drawn more and more attention of domestic and foreign specialists. These researches centre on different aspects of the Russian frontier reality. Many papers are devoted to the history of the Russian Cossacks, for frontier realities exerted the most direct impact on their forming and development. Actually the Cossacks in Russia can be considered as typical representatives of a frontier nation because their whole life passed in close proximity to the border, in close contact with all its dangers. The Cossacks easily absorbed elements of their neighbors' culture, enriching their own skills with the new experience necessary for life in a border zone. Content with the minimum help from the state, the Cossacks independently settled in the border territory and carried out important state functions of control over the country's border. That's why in the opinion of the Russian authorities the Cossacks were sufficiently prepared for the solution of various tasks requiring interaction with the frontier peoples. For this reason the Russian authorities quite often resorted to services of the Cossacks when the use of active armed forces was considered inexpedient for some reasons.

The activities of the Cossack team created for ensuring protection of the Kalmyk khan in the 18th century can serve an illustrative example. Our research allows to understand more deeply the specifics of Russia's domestic policy concerning the Kalmyk khanate in the first half of the 18th century, and also to expand our idea of the Russian frontier in the Lower Volga region.

Keywords: Russia, Lower Volga area, Cossacks, Kalmuks, 18th century.

References:

1. The archive of Prince Vorontsov (1870). Book first. *Paper count Mikhail Illarionovich Vorontsov*, Moscow.
2. Bakunin V.M. (1995). *Description of the Kalmyk peoples, and especially of them tarotscope, and actions of their khans and owners. Essay 1761*. Elista: Kalmyk book publishers.
3. Biryukov I.A. (1911a). *The history of the Astrakhan Cossack troops*. Saratov. Part I.
4. Biryukov I.A. (1911a). *The history of the Astrakhan Cossack troops*. Saratov. Part III.
5. Vitevskiy V.N. (1889). *I.I. Neplyuev and Orenburg region in its former composition prior to 1758*. First Edition. Kazan.
6. State archive of the Astrakhan region (GAAO). F. 394. L. 1. C. 955.

7. Kundakbaeva J.B. (2005). «*The sign of mercy H.I.M. ...*». *Russia and the peoples of the North Caspian sea in the XVIII century*. The series 'AIRO-monograph'. Moscow: AIRO-XXI; Saint-Petersburg: Dmitry Bulanin.
8. Kuryshev, A.V. (2009). The military service of the Volga Cossacks. *Astrakhan local history readings: collection of articles / edited by A. A. Kurapova*. Astrakhan: Publishing House: A Novel R.V. Sorokin. Vol. I, pp. 90-95.
9. Lichin, A.A. (1894). *Acts relating to the history of the don Cossacks, collected by major General A.A. Lishin*. Novocherkassk. T. II. Part I.
10. Essays on the history and culture of the Cossacks of South Russia: the collective monograph / Under the editorship of Matishov G.G., Tyumentsev I.O. (2014); *Southern scientific center, Russian Academy of Sciences, the Volgograd branch of FGBOU VPO «Russian Academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation»*. Volgograd: Publishing house Volgograd branch FGBOU VPO «Russian Academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation».
11. Palmov N.N. (1928). Astrakhan to the time of life V. N. Tatishcheva. *Izvestiya USSR Academy of Sciences*. Series 7. No. 4-7, pp. 319-342.
12. Palmov N.N. (1929). *Studies on the history of the Volga Kalmyks. Part III and IV. Restrictive measures of the government with regard to the Kalmyks*. Astrakhan.
13. Pleshakov, I.N. (2008). Saratov Cossacks in the XVIII – early XIX centuries. *The New century: history through the eyes of young*. Saratov: Publishing house of Saratov state University. Vol. 7, pp. 23-35.
14. Complete set of laws of the Russian Empire (1830). T. 9.
15. Popov N. (1861). *V.N. Tatishchev and his time*. Moscow.
16. Russian State Archive of Ancient Documents (RGADA). F. 248. L. 8. C. 437.
17. Russian State Military-Historical Archive (RGVIA). F. 20. L. 1/47. C. 188. Part 1.
18. The collection of the Imperial Russian historical society (SIRIO) (1886). Saint-Petersburg. T.55.
19. SIRIO (1887). Saint-Petersburg. T. 56.
20. SIRIO (1888). Saint-Petersburg. T. 63.
21. SIRIO (1889). Saint-Petersburg. T. 69.
22. SIRIO (1894). Saint-Petersburg. T. 94.
23. Toropitsyn I.V. (2008). Incursions of the Kuban Tartars on Russia in 1715. *Cossack heritage: Almanac of the Institute of social studies*. Dnepropetrovsk: Publishing house «Porogi». Vol. 4. pp. 72-78.

24. Toropitsyn I.V. (2009). Defense Kalmyk uluses in the 30-40-ies of the XVIII century. *The Materials of the international scientific conference «United Kalmykia in a unified Russia: across the ages into the future», dedicated to the 400th anniversary of the voluntary entering of Kalmyk people into the Russian state (Elista, September 13-18, 2009)*. In two parts. Part 1. Elista: ZAO «NPP «Jangar», pp. 242-246.
25. Toropitsyn I. V. (2010a). Chernoyarskaya Cossack team: the history of the formation and service activities in the XVIII century. *II-e Biryukovskoy of Biryukovskoy readings (9 April 2010)*. Astrakhan: State enterprise of the Astrakhan region «Publishing and printing complex «Volga», pp. 98-104.
26. Toropitsyn I. V. (2010в). Service of municipal Cossack teams in the Lower Volga region (first half of XVIII century). *The state service of the Cossacks: history, contemporaneity, prospects: Materials of all-Russian scientific conference (Istanbul, 30 March 2010) /ed. ed O. G. Maciejewski*. Stary Oskol: Publishing house «Oskol-inform», pp. 27-43.
27. Toropitsyn I. V. (2011a) Service policemen Cossacks in the Volga Kalmyk Affairs in 1720-ies. *III-e Biryukovskoy of Biryukovskoy readings (25 August 2011)*. Astrakhan: State enterprise of the Astrakhan region «Publishing and printing complex «Volga», pp. 54-59.
28. Toropitsyn I. V. (2011в). The Russian government and the Kalmyk-derbety in the 1740s. *Humanities of the South of Russia: international and regional cooperation. Materials of international scientific conference (20-23 September 2011)*. Elista: KIGI Russian Academy of Sciences. Part II, pp. 136-140.
29. Toropitsyn I. V. (2011v). Russia and Nogai: search of ways of self-determination and coexistence (first half of XVIII century). *Turkological collection 2009-2010: the Turkic peoples of Eurasia in antiquity and the middle ages / ed. by S. G. Klyashtorny count. (PREV.), T.I. Sultanov, V.V. Trepavlov / Institute of Oriental manuscripts Russian Academy of Sciences*. Moscow: Oriental literature, pp. 330-359.
30. Churumov A.V. (2007). *The Kalmyk khanate in Russia: problems of political relations*. Elista: ZAO «NPP «Jangar».
31. Tsybin V.M., Ashanin E.A. (2002). *The history of the Volga Cossacks (the 300th anniversary of Saratov, and Tsaritsyn kamyshinskoe Cossack villages)*. Saratov: Privolzhskoe book publishing house.